

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.135.2.148-159

Юридический характер российской криминологии не вызывает сомнений. Во-первых, отечественная криминология «выросла» из русского уголовного права. Если основатель науки криминологии — Ч. Ломброзо был судебным медиком и психиатром, а американская криминология создавалась преимущественно социологами, то фундамент российской криминологии закладывался классиками русского уголовного права М. Н. Гернетом, С. К. Гогелем, М. В. Духовским, Н. А. Неклюдовым, А. А. Жижиленко, М. М. Исаевым, А. А. Пионтовским, С. В. Познышевым, И. Я. Фойницким, М. П. Чубинским и др.¹ Владение юридическим мышлением и знание материального уголовного права — это сильная сторона российской криминологии, которая определяет предметность криминологических исследований и направленность их выводов. В этой связи вряд ли можно согласиться с утверждением, что криминология была «пристегнута» к уголовному праву постановлением ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране»²: оно полностью игнорирует исторический путь развития отечественной криминологической науки. В трудные времена тоталитаризма и свертывания криминологических исследований уголовно-правовая наука стала нишей, в которой сохранились криминологические знания и бесценные кадры криминологов. Так, А. А. Герцензон, который в 1926—1930-х гг. работал научным сотрудником Московского кабинета по изучению личности преступника и преступности, впоследствии опубликовал множество трудов по уголовному праву³. Именно он оказался тем ученым, который внес неоценимый вклад в возрождение

криминологии в России в 1960-е гг. Характерно, что классики отечественной криминологии — лауреаты Государственной премии 1984 г. за цикл трудов «Разработка теоретических основ советской криминологии» — И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, А. Б. Сахаров, А. М. Яковлев — являлись признанными авторитетами в сфере уголовно-правовой науки.

Во-вторых, криминология по номенклатуре научных специальностей отнесена к юридическим наукам⁴. Отсюда — императив знания и понимания хотя бы элементарных теоретических основ юриспруденции и положений уголовного права при исследовании криминальных феноменов, который нередко игнорируется представителями политологии, социологии, экономики, психологии и других наук⁵. В результате происходит подмена точных уголовно-правовых и криминологических терминов расплывчатыми понятиями (например, вместо «преступление», «преступность», «уголовная политика» — «силовое принуждение»)⁶; взамен характеристики существующей системы противодействия преступности и определения возможных путей ее оптимизации предлагаются общие (поверхностные) рассуждения на «заданную тему» (в частности, без опоры на юридические знания, без анализа эффективности применения Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», норм УК РФ о преступлениях экстремистской направленности и УИК РФ сочиняется авторская карательная стратегия противодействия экстремизму⁷).

В-третьих, история государства и права России свидетельствует о возникновении отечественного криминологического законо-

¹ Миллюков С. Ф. Криминология уголовного закона // Криминология : XX век. СПб., 2000. С. 177.

² Разогреева А. М. (Пост)советская административная криминология: игра на понижение // Криминологические основы уголовного права : материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26—27 мая 2016 г. М., 2016. С. 226.

³ Герцензон Алексей Адольфович // URL: <http://www.ru.wikipedia.org>.

⁴ Приказ Минобрнауки России от 25.02.2009 № 59 (ред. от 14.12.2015) «Об утверждении Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Клеймёнов М. П., Клеймёнов И. М. Профанация криминологии // Криминологический журнал БГУЭП. 2010. № 2. С. 13—20.

⁶ Колотуша В. В. Силовое принуждение в социальном процессе и его особенности в пограничной сфере : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2009.

⁷ Сальников Е. В. Экстремистское насилие в обществе: феномен, сущность, стратегии социального бытия : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Краснодар, 2015.

дательства в начале XIX в. — в 1832 г. издан Устав о предупреждении и пресечении преступлений (в Своде законов Российской империи). Впоследствии в него вносились многочисленные изменения и дополнения (1864, 1867, 1881, 1883, 1887, 1890, 1893, 1896, 1899, 1900, 1902, 1903, 1906, 1910 гг.)⁸, что свидетельствует о том, что этот закон активно применялся. Этот уникальный нормативный правовой акт, которому не было аналогов во всем мире⁹, имел ряд интересных особенностей, к которым относятся: а) связь с духовно-нравственными императивами (сохранение благоговения, благопристойности и тишины во время богослужений; почитание отца и матери, уважение к старшим; общий запрет производства казенных работ в воскресные и праздничные дни; запрет лжепредсказаний и лжепредзнаменований и пр.); б) устранение источников вредного влияния на людей, пресечение отклоняющегося поведения (выявление сочинителей ругательных и оскорбительных сочинений (пасквилей) или изображений и подметных писем, запрет тайных обществ, пресечение роскоши и мотовства, пьянства, порочного и развратного поведения, непотребных и соблазнительных сборищ и др.); в) определение мер предупреждения отдельных видов преступлений (убийств и телесных повреждений, ссор, драк и побоев, ростовщичества, запрещенных игр, обмана, подлога и клеветы, воровства, разбоя, грабежа и приносодержательства).

Как видим, Устав о предупреждении и пресечении преступлений имел определенную идеологическую основу, которая позволяла объективно выявлять криминогенные источники, реагировать на них, и в этом плане он являет собой позитивный пример для создания аналогичного нормативного правового акта в России в Новейшее время. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить содержание § 156 Устава («Полиция ни в каком случае не позволяет возникать непотребным и соблазнительным сборищам и повсеместно искореняет

ония, под каким бы видом и названием они ни существовали») ¹⁰ со зрелищами современных ночных клубов («упражнения с шестом») или деятельностью многочисленных салонов для мужчин, предлагающих различные варианты эротического массажа.

Существенный вклад в развитие криминологического законодательства был сделан в советский период, в особенности в 1970-х гг. Достаточно назвать некоторые нормативные правовые акты того времени: постановление Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР 02.03.1959 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране», постановление Совета министров СССР от 31.08.1966 «О мерах по усилению борьбы с преступностью», приказ МВД СССР от 14.04.1969 «О введении в действие Инструкции по основам организации и тактики предотвращения преступлений органами милиции», Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 25.08.1972 «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании больных наркоманией», приказ МВД СССР от 02.03.1978 «О введении в действие Положения об основах организации профилактики преступлений органами внутренних дел». В этой связи Д. А. Шестаков совершенно правильно ставит вопрос о наличии криминологического законодательства, включая в него отдельные нормы международного права, федеральные законы, законы субъектов Федерации, проекты нормативных правовых актов¹¹.

Криминологическое законодательство включает в себя:

1. Международные конвенции: Конвенция ООН против коррупции 2003 г., Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., Конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., Конвенция

⁸ Емельянов В. М. История профилактики правонарушений в России в дореволюционный период // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2015. Т. 13. С. 2376—2380. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85476.htm>.

⁹ Иванов И. И. Криминалистическая профилактика преступлений (комплексное научно-практическое исследование). СПб., 2004. С. 20.

¹⁰ Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // URL: <http://www.ru.rus-sky.com>.

¹¹ Шестаков Д. А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология вчера, сегодня и завтра. 2013. № 1 (28). С. 48—49.

ООН о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г., Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами 2015 г., Конвенция Совета Европы по контрафактной медицинской продукции и аналогичной преступной деятельности, представляющей угрозу для здравоохранения 2011 г., Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 г., Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г., Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми 2005 г., Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма 2005 г., Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма 2009 г. и др. Их криминологическая сущность определяется целями, которые выражены в профилактике, предупреждении, предотвращении криминальных проявлений (превентивный аспект); разработке законоположений и криминализации деяний (правотворческий аспект); определении общих процедурных условий и правил по реализации правовых мер (правоприменительный аспект) организации эффективной борьбы с преступностью, облегчении сотрудничества на национальном и международном уровнях, совершенствовании планов подготовки и планов координации действий в чрезвычайных ситуациях (управленческий аспект), защите прав потерпевших, людей и объектов (виктимологический аспект); обмене информацией, создании механизма мониторинга (информационно-аналитический аспект).

2. Нормативные правовые акты, принятые в рамках Содружества Независимых Государств, следующие: Концепция взаимодействия государств — участников СНГ в борьбе с преступностью 1999 г.; Договор государств — участников СНГ о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма 2007 г.; соглашения государств — участников СНГ: о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров 2000 г.; о взаимодействии по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной охране 2008 г.; о сотрудничестве в борьбе с незаконным изготовлением и оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств

2008 г.; о сотрудничестве в сфере обеспечения информационной безопасности 2008 г.; о сотрудничестве в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий, 2013 г. и др.

Отдельный и очень важный блок таких нормативных правовых актов составляют программы сотрудничества государств — участников СНГ по противодействию наиболее криминогенным явлениям и борьбе с преступностью, которые транслируют общие договоренности и концептуальные установки в практическую деятельность. К ним относятся: Программа сотрудничества в противодействии незаконной миграции на 2015—2019 годы; Программа сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и противодействию наркомании на 2014—2018 годы; Программа сотрудничества в борьбе с торговлей людьми на 2014—2018 годы; Программа сотрудничества государств в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий, на 2016—2020 годы и др. Они нацелены на осуществление взаимодействия и координацию деятельности сторон по следующим основным направлениям:

- выявление угроз безопасности и криминологическое прогнозирование рисков;
- разработка ключевых криминологических понятий (в частности, информационной преступности, информационного терроризма и др.), формирование глоссариев;
- совместный анализ состояния, структуры, динамики и последствий транснациональной преступности, результатов работы по выявлению, предупреждению, раскрытию, расследованию преступлений, исполнению наказаний;
- подготовка информации о борьбе с преступностью Совету глав государств, другим органам СНГ, а также органам государственной власти государств — участников СНГ;
- выработка согласованной стратегии и совместных мер борьбы с криминальными явлениями;
- координация и совершенствование механизмов взаимодействия компетентных органов в области противодействия преступному поведению;
- создание совместного банка данных о транснациональных преступных группах, их лидерах и участниках;

- обмен информацией, накопление и использование информационных систем, оперативных учетов и архивов;
- профессиональное обучение и переподготовка кадров (содействие в подготовке кадров и повышении квалификации специалистов);
- взаимодействие в международных организациях и международных форумах по вопросам противодействия преступности;
- изучение и оценка эффективности совместных усилий компетентных органов государств — участников СНГ в борьбе с преступностью, распространение опыта в этой области;
- обмен опытом работы, проведение рабочих встреч, консультаций, совещаний, практических конференций и семинаров;
- обеспечение безопасности объектов государственной охраны и защита охраняемых объектов;
- обеспечение собственной безопасности уполномоченных государственных органов;
- проведение совместных научных исследований;
- развитие согласованных форм и методов профилактики преступлений и иных правонарушений;
- реализация совместных и/или согласованных мероприятий по пресечению криминальных операций;
- развитие сотрудничества с международными организациями, неправительственными организациями, а также институтами гражданского общества в сфере противодействия криминальному поведению.

3. Федеральное криминологическое законодательство, включающее:

- *федеральные законы* (от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений», от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием
- расходов лиц, занимающих государственные должности, и иных лиц их доходам», от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и др.);
- *стратегии* (Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, Национальная стратегия противодействия коррупции);
- *концепции* (Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации 2009 г., Концепция общественной безопасности в Российской Федерации 2013 г., Концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации 2014 г., Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года);
- *иные нормативные правовые акты*, нацеленные на предупреждение (профилактику, предотвращение, пресечение) преступлений, организацию борьбы с преступностью, минимизацию и ликвидацию криминальных последствий (например, Государственная программа противодействия незаконному обороту наркотиков, утвержденная постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 299).

Именно в такой целеустремленности приведенных актов заключается их криминологический характер. Иначе говоря, они являются криминологическими по существу и могут быть обозначены в качестве центра (ядра) федерального криминологического законодательства. К этому «ядру» следует отнести и ведомственные нормативные правовые акты криминологического содержания, в частности, приказ МВД РФ от 17.01.2006 № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений).

К «чисто» криминологическим нормативным правовым актам логично присовокупить отдельные криминологические нормы иных федеральных правовых актов, которые обра-

зуют «периферию» криминологического законодательства, например, ст. 19 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации», посвященную урегулированию конфликта интересов на гражданской службе. Ее криминологическая направленность сомнений не вызывает. Статья 20 этого Закона также направлена на предупреждение правонарушений коррупционного характера, поскольку устанавливает обязанность гражданского служащего представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Аналогичные нормы содержат федеральные законы «О муниципальной службе в Российской Федерации», «О прокуратуре Российской Федерации», «О полиции» и др.

4. Законы и иные нормативные правовые акты криминологического содержания, принятые органами власти субъектов РФ, как, например, Закон Омской области от 29.04.2009 № 1154-ОЗ «О противодействии коррупции в Омской области». Чаще всего такие акты во многом дублируют содержание федеральных законов, что в целом свидетельствует о низком качестве регионального криминологического законодательства. Главная причина такого низкого качества видится в непривлечении квалифицированных специалистов (криминологов) для участия в работе по подготовке законопроектов. Правда, следует оговориться, что отдельные субъекты РФ являются лидерами и новаторами в сфере криминологического законотворчества, и их опыт заслуживает изучения, обобщения и внедрения. Например, в Ульяновской области функционирует институт Уполномоченного по противодействию коррупции. Функции Уполномоченного по противодействию коррупции определены Законом Ульяновской области от 20.07.2009 № 83-ЗО «О противодействии коррупции в Ульяновской области» и направлены на защиту прав и интересов граждан и общественных институтов от возможных коррупционных проявлений в деятельности представителей государственного и муниципального управленческого аппарата. Силами регионального Уполномоченного по противодействию коррупции и сотруд-

ников отдела обеспечения его деятельности с 2010 г. проводится антикоррупционный мониторинг. Одним из главных направлений этой работы является контроль эффективности работы элементов организационной структуры по противодействию коррупции, которая создана и функционирует в органах государственной власти и местного самоуправления¹².

5. Муниципальные правовые акты криминологической направленности. Им может быть адресован аналогичный упрек в низком качестве, что дезавуирует саму идею криминологического законодательства муниципального уровня. Обращаясь к анализу соответствующих документов (например, постановлению Администрации Полтавского муниципального района Омской области от 09.02.2015 № 33 «Об утверждении комплексной программы Полтавского муниципального района «Борьба с преступностью, профилактика преступлений и правонарушений, обеспечение безопасности дорожного движения в Полтавском муниципальном районе на 2015—2017 годы») можно констатировать «дежурный» характер запланированных мер («привлечь население к охране общественного порядка»), обилие общих формулировок (типа «проведение мероприятий по противодействию нарушениям расового, национального и религиозного равноправия граждан»), непонимание важности реализации задач анализа и прогноза криминологической обстановки. Создается впечатление, что такие нормативные правовые акты принимаются «для отписки», для имитации деятельности, а не в целях реальной работы по предупреждению преступлений.

Между тем муниципальный уровень разработки и реализации криминологического законодательства является чрезвычайно значимым с точки зрения профилактики многих видов преступного поведения. Об этом свидетельствуют «Руководящие положения для муниципалитетов. Активизация действий по борьбе с торговлей людьми на местном уровне»¹³.

Общей целью данных руководящих положений является предоставление местным участникам деятельности по борьбе с торговлей людьми знаний и правильных инструментов

¹² Уполномоченный по противодействию коррупции в Ульяновской области // URL: <http://www.anticorrupt-ul.ru>.

¹³ Йокинен А., Сорренто Л., Буховска С., Полатсиде В. Руководящие положения для муниципалитетов. Активизация действий по борьбе с торговлей людьми на местном уровне. Совет государств Балтийского моря, МВД Латвии, 2015. 80 с. URL: <http://www.cbss.org>.

для усиления их роли в работе против торговли людьми, а также повышение эффективности действий по борьбе с торговлей людьми путем обеспечения надлежащего и своевременного выявления жертв, адекватного и долгосрочного предоставления помощи и защиты. Ожидается, что данные руководящие положения будут наиболее актуальны для экспертов и практиков, работающих в больших и средних городах и/или муниципалитетах, и обладающих по крайней мере некоторыми знаниями о торговле людьми. Конкретными целями руководящих положений являются: содействие обеспечению прав жертв; повышение информированности местных участников деятельности по борьбе с торговлей людьми о данной проблеме; выделение некоторых перспективных мероприятий, которые были разработаны в регионе и за его пределами, где муниципалитеты и/или местные органы власти играют важную роль в решении вопросов противодействия торговле людьми и предоставления защиты жертвам; привлечение местных субъектов деятельности к борьбе с торговлей людьми на местном уровне путем участия в решении задач общего характера и реализации конкретных мер, направленных на преодоление проблем и улучшение ситуации. Следует обратить внимание, что многие из предложенных мер могут быть интегрированы в местную социальную, экономическую политику и практику предупреждения преступности (например, включены в программы, которые касаются решения проблем социального отчуждения и маргинализации, безопасной миграции, интеграции мигрантов, борьбы с бедностью, получения образования, насилия в отношении женщин и т.д.). Подчеркивается важность создания проактивных, а не реактивных стратегий предотвращения указанных негативных явлений. Такие проактивные стратегии являются наиболее экономически эффективными и в итоге позволяют сэкономить больше ресурсов¹⁴.

Таким образом, ответственный подход к разработке муниципального криминологического законодательства дает свои положительные результаты.

Итак, можно сформулировать три промежуточных вывода. Первый: криминологическое

законодательство существует, и это — юридический факт. Поэтому заявление о том, что криминологического законодательства как самостоятельной комплексной отрасли нет¹⁵, — не что иное, как отрицание действительности. Криминологическое законодательство как система международных, федеральных и региональных нормативных правовых актов криминологического содержания и направленности существует и активно развивается. Нежелание признать эту очевидность вредит общему делу противодействия преступности и угрожает национальной безопасности страны. Разумеется, речь идет не о частном мнении, а о государственном признании, за которым последуют новые законодательные инициативы, стратегические изменения в уголовной политике, существенные уточнения в системе юридического образования и др. Положительным примером здесь является криминологическое законодательство Республики Беларусь, стержневым (системообразующим) компонентом которого выступают Закон от 10.11.2008 № 453-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», Указ Президента Республики Беларусь от 29.05.2007 № 244 «О криминологической экспертизе» (в соответствии с которым заключение криминологической экспертизы имеет обязательный характер), Указ Президента Республики Беларусь от 06.06.2011 № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы» (которым закреплен надзор Генеральной прокуратуры за точным и единообразным исполнением законодательных актов в сфере проведения криминологической экспертизы)¹⁶.

В России существует некий аналог криминологической экспертизы — в виде антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Но, во-первых, он охватывает только часть работы по криминологической экспертизе, поскольку криминогенные положения законопроекта не исчерпываются коррупционностью. Во-вторых, заключения антикоррупционной экспертизы имеют рекомендательный характер, что во многом превращает их в фикцию (имитацию антикоррупционной деятельности).

¹⁴ Йокинен А., Сорренто Л., Буховска С., Полатсиде В. Указ. соч. С. 3—14.

¹⁵ Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. С. 68.

¹⁶ См.: Клеймёнов И. М. Сравнительная криминология. М., 2012. С. 315—322; Шилин Д. В. Правовая основа криминологической экспертизы в Республике Беларусь // Законность. 2014. № 1. С. 70—73.

Обязательность криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов резко меняет статус криминологии: из науки факультативной (к рекомендациям которой можно прислушиваться или нет) она превращается в науку императивную и становится вровень с юридическими отраслями знаний, рекомендации которых реализованы в законе.

Отсюда следует второй вывод — о необходимости повысить престиж криминологии и создать условия для устранения непонимания исключительной роли и значимости криминологии в решении практически всех международных и национальных проблем. Развитие преступности и анализ реагирования на него свидетельствуют об изменении роли криминологии в современном мире (она становится все более организующей и ведущей в системе социальных наук) и указывают на важность уточнения ее предмета. Традиционное понимание предмета криминологии как науки о преступности, ее причинах, личности преступника, предупреждении преступности явно устарело. В предмет криминологии следует включить основы анализа негативных социальных явлений и процессов и организации противодействия преступлениям и иным правонарушениям (аналитическую разведку), а также криминологическое законодательство и криминологическое право. Очень современно звучит тезис о стратегической роли криминологии в настоящее время и особенно — в обозримом будущем¹⁷.

Третий вывод касается императива сконцентрировать силы научной общественности на разработке криминологического права. Следует констатировать, что за криминологов эту работу никто не сделает. В этой связи замечателен пример специалистов в области оперативно-розыскной деятельности, разрабатывающих теоретические основы отрасли оперативно-розыскного права, которые находят аргументы в обоснование собственного предмета правового регулирования¹⁸. При этом важно уточнить, что усилия должны быть направлены на разработку именно криминологического права — а не профилактического права или права противодействия преступности, как

полагает известный криминолог Д. А. Шестаков¹⁹. Только при таком решении проблемы можно обеспечить понимание социальной значимости криминологии и укрепление ее престижа в современной России.

Замечено, что престиж криминологии сравнительно высок в условиях демократии и низок в государствах с авторитарным (тем более тоталитарным) политическим режимом. В развитых демократических государствах криминология востребована во всех четырех измерениях: на государственном уровне (что выражается в реализации криминологических рекомендаций в уголовной политике), в среде научного сообщества (что видно из престижности организаций профессиональных криминологов, их участия в международных форумах, официального признания значимости результатов криминологических исследований), в образовательном пространстве (что усматривается в обязательности или, напротив, факультативности изучения криминологии в юридических вузах) и с точки зрения интересов гражданского общества (о чем свидетельствует практика опросов населения для оценки состояния преступности и реального участия общественности в превентивных программах).

Иная ситуация складывается в тоталитарных государствах. Как известно, сталинскому тоталитаризму криминология была не нужна. Вождь народов и без криминологов знал, в чем причины преступности и как с ней бороться. Поэтому криминология в период 1930—1960-х гг. находилась фактически под запретом. Причина этого заключается в том, что криминология — наука с мощным критическим потенциалом. Она и не может быть иной, поскольку любое криминологическое исследование «выводит» на проблемы несоответствия деклараций и социальной реальности. Криминология имеет своим предметом — в самом широком обобщении — социальное зло и закономерно формулирует такие выводы, которые звучат как упреки, нередко адресованные власти. Любая власть не любит критики, тоталитарная власть ее не терпит. Поэтому любая критика власти при тоталитаризме запрещена и преследуется — часто в уголовном порядке. В це-

¹⁷ Долгова А. И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность // URL: <http://www.crimas.ru>.

¹⁸ Кузнецов Е. В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.

¹⁹ Шестаков Д. А. Указ. соч. С. 49.

лом можно предположить наличие обратной зависимости между развитием тоталитаризма и криминологии: движение в направлении тоталитаризма сопровождается свертыванием криминологических исследований²⁰.

Таким образом, признание криминологического законодательства и криминологического права способствует повышению престижа криминологии в государстве, обществе, образовательной среде, а значит — укреплению демократических начал государственного развития.

Предметом криминологического права как отрасли законодательства являются общественные отношения, урегулированные нормативными правовыми актами в связи с изучением и анализом негативных социальных явлений и процессов криминологической экспертизой нормативных правовых актов; установлением и реализацией мер по обеспечению мер безопасности личности, общества и государства от угроз криминального характера; организацией комплексной деятельности государств, национальных органов власти, общественных организаций, религиозных объединений и граждан по противодействию общественно опасным деяниям, негативным социальным явлениям и процессам. Как видим, криминологические правоотношения возникают в публичной и частной сферах в связи с экспертно-аналитической и управленческой деятельностью по противодействию общественно опасным явлениям и процессам, а также по поводу обеспечения безопасности от криминальных угроз.

Таким образом, можно выделить три вида криминологических правоотношений, образующих в своей совокупности предмет криминологического-правового регулирования.

Первый вид — экспертно-аналитические правоотношения, возникающие между государственными органами и субъектами антикоррупционных экспертиз нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, между заказчиками и исполнителями криминологических исследований. Они реализуются исследовательскими методами.

Второй вид — профилактические отношения, существующие между, с одной сторо-

ны, субъектами деятельности по устранению (ограничению) криминогенных факторов и, с другой стороны, объектами профилактического воздействия (прежде всего лицами, склонными к совершению общественно опасных девиаций).

Третий вид — охранительные правоотношения, возникающие в публичной и частной сферах в связи с обеспечением криминологической безопасности. Их субъектами выступают государственные органы, корпорации, иные бизнес-структуры, общественные организации, религиозные объединения и граждане. Они, как правило, связаны с использованием методов прогнозирования и планирования.

Криминологическое-правовое регулирование является особенно важным и необходимым в связи с угрозами терроризма, экстремизма, коррупции, деятельностью преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции и торговлей людьми²¹. Оно является комплексным по своему характеру и интегрирует в себе возможности различных отраслей права по противодействию преступности и иным общественно опасным социальным девиациям.

Криминологическое право как отрасль права только начинает формироваться, поскольку не сложилась еще убедительная концепция его содержания. Например, уголовное право как отрасль права имеет развернутое определение: это система правовых норм о преступном и наказуемом, включающая в себя нормы, предусматривающие общие правила регламентации уголовно-правовых отношений, а также нормы о признании преступлениями отдельных видов опасного отклоняющегося поведения и о наказании за них, основанные на указанных выше общих правилах²². В отношении криминологического права высказываются очень спорные суждения. Известный криминолог Д. А. Шестаков говорит: «Мне видится, что вслед за криминологическим правом, возникающим рядом с уголовным правом и постепенно теснящим его, простирается дорога к законодательному

²⁰ Клеймёнов М. П., Клеймёнов И. М. Престиж криминологии в мире и в России // Криминологический журнал БГУЭП. 2012. № 1. С. 8—9.

²¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 2). Ст. 212.

²² Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб., 2004. С. 13.

воплощению пронизанного едиными принципами праву противодействия преступности (ППП). Вырисовывается вот какое его строение. Верхний слой — Основы (предупредительного и наказательного) законодательства о противодействии преступности. Под ним слой кодексов: 1) кодекс предупреждения преступлений (и мер безопасности); 2) кодекс об уголовной ответственности и ресоциализации молодежи; 3) кодексы — Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный»²³.

Такая вавилонская башня ППП вряд ли будет построена. И не только потому, что слишком различен язык ее возможных строителей: криминологов, криминалистов, процессуалистов, пенитенциаристов. Главная причина заключается в неправильной целевой установке. Криминология как формирующаяся отрасль права должна не конкурировать с другими отраслями права и тем более не подавлять их, а вступать с ними в сотрудничество. В то же время мысль о криминологическом кодексе — именно криминологическом, а не кодексе предупреждения преступлений, представляется плодотворной. В этом кодексе следует прежде всего закрепить стратегическую роль криминологии, обеспечивающую прогнозирование криминальных угроз национальной безопасности, их минимизацию и устранение. Поразительно, что в Федеральном законе «О стратегическом планировании» ни слова не сказано о коррупции²⁴. Как можно осуществлять стратегическое

планирование в Российской Федерации, координировать сферы государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики, не учитывая коррупционный фактор? Вопрос поставлен как риторический, но квалифицированный ответ на него можно получить только со знанием криминологии.

В современных условиях криминологическое законодательство и криминологическое право призваны сыграть интегрирующую роль, которая видится в двух ипостасях. Во-первых, в нормативные правовые акты различных отраслей права (предпринимательского, банковского, экологического и др.) целесообразно включать актуальные криминологические положения. Следует сказать, что в плане противодействия коррупции в действительности так и происходит. Во-вторых, формализованный (нормативно закрепленный) криминологический анализ, прогнозирование, планирование будут способствовать конструктивному разрешению социальных противоречий и противодействовать бюрократическим инициативам усиления налогового бремени на население.

Именно в интеграции различных отраслей права по отношению к решению крупных проблем следует видеть генеральный путь развития отечественного законодательства. Самой крупной проблемой современности является преступность. Следовательно, юридическая роль криминологии будет неуклонно возрастать.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Долгова А. И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность // URL: <http://www.crimas.ru>.
2. Емельянов В. М. История профилактики правонарушений в России в дореволюционный период // Концепт. Научно-методический электронный журнал. — 2015. — Т. 13. — С. 2376—2380. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85476.htm>.
3. Иванов И. И. Криминалистическая профилактика преступлений (комплексное научно-практическое исследование). — СПб.: Университет МДВ РФ, 2004. — 162 с.
4. Йокинен А., Сорренто Л., Буховска С., Полатсиде В. Руководящие положения для муниципалитетов. Активизация действий по борьбе с торговлей людьми на местном уровне. Совет государств Балтийского моря, МВД Латвии. — 2015. — 80 с. URL: <http://www.cbss.org>.
5. Клеймёнов И. М. Сравнительная криминология. — М.: Норма, 2012. — 368 с.
6. Клеймёнов М. П., Клеймёнов И. М. Престиж криминологии в мире и в России // Криминологический журнал БГУЭП. — 2012. — № 1. — С. 5—13.

²³ Шестаков Д. А. Указ. соч. С. 49.

²⁴ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 29 (ч. 1). Ст. 3378; 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3879.

7. Клеймёнов М. П., Клеймёнов И. М. Профанация криминологии // Криминологический журнал БГУЭП. — 2010. — № 2. — С. 13—20.
8. Колотуша В. В. Силовое принуждение в социальном процессе и его особенности в пограничной сфере : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — М., 2009. — 39 с.
9. Кузнецов Е. В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2014. — 22 с.
10. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 339 с.
11. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. — М. : Волтерс Клувер, 2009. — 579 с.
12. Милуков С. Ф. Криминология уголовного закона // Криминология : XX век. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2000. — С. 177—203.
13. Разогреева А. М. (Пост)советская административная криминология: игра на понижение // Криминологические основы уголовного права : материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26—27 мая 2016 г. — М. : Юрлитинформ, 2016. С. 225—228.
14. Сальников Е. В. Экстремистское насилие в обществе: феномен, сущность, стратегии социального бытия : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Краснодар, 2015. — 41 с.
15. Шестаков Д. А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология вчера, сегодня, завтра. — 2013. — № 1 (28). — С. 47—49.
16. Шилин Д. В. Правовая основа криминологической экспертизы в Республике Беларусь // Законность. — 2014. — № 1. — С. 70—73.

Материал поступил в редакцию 28 февраля 2017 г.

CRIMINOLOGICAL LEGISLATION AND CRIMINOLOGICAL LAW IN RUSSIA

KLEYMENOV Mikhail Petrovich — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University
klim798@mail.ru
644065, Russia, Omsk, ul. 50 Let Profsoyuzov, d. 100/1

Abstract. *Criminology is a legal science, for a good reason claiming the formation of their own branch of law. Criminological legislation as a system of international, Federal and regional regulations of criminological content and focus is actively developing. The subject of the criminological law as a branch of law are the public relations regulated by legal acts in connection with the study and analysis of the negative social phenomena and processes of criminological expertise of normative legal acts.*

The aims are the establishment and implementation of measures to ensure the security of an individual, the society and the State from threats of a criminal nature; the organization of complex activities of States, national authorities, public associations, religious associations and citizens on combating socially dangerous acts, negative social phenomena and processes. There are three types of criminological relations forming the subject matter of criminological and legal regulation. The first is expert-analytical relations arising between state bodies and subjects of anti-corruption expertise of normative legal acts and drafts of regulations between ordering customers and performers of criminological research. The second is the prevention of the relations existing between stakeholders on elimination (restriction) of criminogenic factors and objects of preventive action.

The third is protective legal relations arising in public and private spheres in the provision of criminological security, which are the subjects of state bodies, corporations, other business structures. In modern conditions, the criminological law and criminological legislation should play an integrating role for other branches of the law in addressing the issues of criminalization of social relations, corruption, extremism, terrorism, drug abuse, transnational organized crime. The growing importance of criminology in the modern world, due to total criminalization of social relations, indicate the importance of clarifying its subject. The traditional understanding of the subject of criminology as a science of crime and its causes, the identity of the offender, crime prevention is clearly outdated. The subject of criminology should include a framework for the analysis of negative social

phenomena and processes and the organization of counteraction to crimes and other offences (analytical intelligence), and criminological legislation and criminological law.

Keywords: *criminological law, criminological legislation, criminological relationship, criminological and legal regulation, the prestige of criminology, crime prevention.*

REFERENCES

1. *Dolgova, A.I.* Do we Neew Criminology and Criminological Outlook on Crime. — Access mode: <http://www./http://www.crimas.ru>.
2. *Emelyanov, V. M.* History of Crime Prevention in Russia in the Pre-Revolutionary period // Scientific-Methodical Electronic Journal "Concept". — 2015. — Vol.13. — PP. 2376-2380. — Access mode: <http://e-koncept.ru/2015/85476.htm>.
3. *Ivanov, I.I.* Criminological crime prevention (a complex scientific and practical study). Spb.: University of the Russian Federation Ministry of the Interior, 2004. -162 p.
4. *Jokinen, A., Sorrento, L., Bukowska, S., Palatsides, V.* Guidelines for Municipalities. Intensification of Action to Combat Trafficking at the Local Level. The Council of the Baltic Sea States, Ministry of Internal Affairs of Latvia. — 2015.- 80 p. — Access Mode: <http://www.hate/http://www.cbss.org>.
5. *Kleymentov, I.M.* Comparative Criminology. — M.: Norma, 2012. — 368 p.
6. *Kleimenov, M.P., Kleimenov, I.P.* Prestige of Criminology in the World and in Russia // Russian Journal of Criminology. — 2012. — No. 1. — P. 5-13.
7. *Kleimenov, M.P., Kleimenov, I.M.* Profanation of Criminology // Russian Journal of Criminology. — 2010. — No. 2. — P. 13—20.
8. *Kolotusha, V.V.* Coercion in the Social Process and its Specifics in the Border Area. Candidate Degree Thesis (Philosophy). Abstract. — M., 2009. — 39 p.
9. *Kuznetsov, E.V.* Theoretical Bases of Formation of Branch Operational Search Law. Candidate Degree Thesis (Legal Sciences). Abstract. Volgograd, 2014. — 22 p.
10. *Lopashenko, N.A.* The Basics of Criminal and Legal Impact. — SPb.: Legal Centre-Press, 2004. — 339 p.
11. *Lopashenko, N.A.* Criminal Policy. — M.: Wolters Kluwer, 2009. — 579 p.
12. *Milyukov, S.F.* Criminology of Criminal Laws // Criminology of the XX Century. — SPb.: Legal Centre-Press, 2000. — P. 177-203.
13. *Razogreva, A.M.* (Post)Soviet Administrative Criminology: Selling Short // Criminological Foundations of Criminal Law. Proceedings of the X Russian Congress on Criminal Law, held on May 26-27, 2016 — M.: Yurlitinform, 2016. P. 225-228.
14. *Salnikov, E.V.* Extremist Violence in Society: Phenomenon, Essence, Strategy of Social Existence. Candidate Degree Thesis (Philosophy). Abstract. Krasnodar, 2015. — 41 p.
15. *Shestakov, D.A.* Criminalological Legislation and Law of Combating Crime // Criminology: Yesterday, Today and Tomorrow. — 2013. — № 1 (28). — P. 47-49.
16. *Shilin, D.V.* The Legal Basis of Criminological Expertise in the Republic of Belarus // Legality. — 2014. — No. 1. — P. 70—73.